

Кэйли Бланшар опустилась на пятки рядом с грязной, импровизированной кроватью, прислонившись плечами к стене позади нее. Она сняла верхнюю часть контейнера с запеченными бобами, и умная упаковка справилась со своей работой, нагревая содержимое до температуры подачи... чего бы ей не хотелось. Она потеряла свой столовый прибор в отчаянной схватке при эвакуации своего последнего командного пункта позавчера, а еда была слишком горячей, чтобы выколупывать ее грязными пальцами.

Она осторожно положила контейнер на шлем, который они сняли с президентского гвардейца, стоящий на полу рядом с ней. Они отчаянно нуждались в еде, как и во всем остальном, и она не хотела, чтобы неосторожная нога сбила его, пока еда остывает. Затем она провела обеими руками по своим коротким, жирным, грязным волосам и закрыла глаза, и ее лицо потемнело от отчаяния, которое она никогда бы никому не позволила увидеть.

Не то, чтобы уверенность, которую она все еще так старалась проецировать, обманывала кого-то. Не после прошлой недели.

Она вздрогнула, когда ее рука коснулась пореза на виске и горящего, опухшего синяка, который покрывал правую сторону ее лица. Это были сувениры той же горькой стычки, которая стоила ей ее столового прибора. И это стоило ей также Карлтона Кармайкла.

Лицо ее дрогнуло, слезы медленно потекли по щекам, когда ее мозг воспроизвел этот отвратительный момент с беспощадной ясностью. Соларианские жандармы напали на них без предупреждения. Разрывной заряд сорвал крышу ее подвального командного пункта. Треск и шипение дротиков пульсера. Взрываются гранаты. Она убила двух жандармов, стреляя дротиками из своей соларианской импульсной винтовки сквозь их бронежилеты в упор, когда они резко прыгнули через разрушенную крышу подвала, но большая часть ее штаба была уже внизу. Она достала третьего, когда рванула по заранее запланированному маршруту побега, но затем кусок керамокрита, снесенный со стены вражеским огнем, ударил ее по лицу. Она упала, ее лицо было покрыто кровью, и она услышала голос с иноземным акцентом, кричащий ее имя.

"Живьем, черт побери! Система распознавания говорит, что это Бланшар, и мы хотим взять ее живьем, вашу мать!"

Огонь жандармов прекратился почти мгновенно, и она нащупала свое оружие - не для того, чтобы сражаться, но чтобы разочаровать этот голос - но она была так слаба, так дезориентирована. Казалось, она не могла найти пульсер, и ноги скользили по обломкам вокруг нее. Они собирались...

Затем звук нового пульсера снова заполнил подвал. Кто-то бросился к ней, контратакуя с пути отхода. Еще крики, снова взрывы. Кто-то вытаскивает ее из-под обломков, перекидывает через плечи стрелка, и голос Карлтона кричит.

"Вытащите ее отсюда! Убирай ее отсюда! Возвращайся к -"

Она никогда не забудет ту ужасную внезапность, с которой этот голос прервался.

Все кончено, мрачно подумала она. Мы проиграли. Мы были чертовски близки, но мы проиграли.

Она прикрыла лицо руками и закрыла глаза, борясь с рыданиями. Если бы они только смогли взломать последний периметр Ломброзо. Если бы у них был он - и проклятые шишки из

Трифекты - под стражей, когда Юсель и ее мясники прибыли! Но они этого не сделали. Все, что у них было - это поддержка трех четвертей населения планеты. Все, что у них было - это право мужчин и женщин умереть за то, во что они верили. И этого было недостаточно, когда военные корабли Юсель начали расстреливать города и мегаполисы с орбиты.

Они стерли шесть из них в одной, плотно упорядоченной волне кинетического энергетического заряда. Около полумиллиона погибших в течение менее пятнадцати минут. Не было ни требований о капитуляции, ни предупреждений о возможности эвакуации гражданских. Только раскаленные добела линии огня падали вниз с ночного неба, и огненные шары поднимались от их поцелуя, пламена испарившимися человеческими жизнями и надеждой. И после того, как грибовидные облака рассеялись, Президент Ломброзо выступил по радио, чтобы обвинить во всем ФОМ и призвать всех "правильных" мебианцев обратиться против террористов, которые принудили законное правительство системы к такой драконовской тактике, как единственному способу положить конец их кровавой череде убийств и разрушений.

После этого Брайтбах вытащил своих людей из всех других городов и городков, чтобы убрать их как цели и как единственный способ защитить "городское население" Мёбиуса. Он даже подумывал о сдаче ... пока Юсель и Ярдли не передумали, публично повесив двести бойцов Фронта Освобождения, которые сдались. После этого все остальные подумали, сколько ублюдков с другой стороны они могли убить, прежде чем умерли.

По крайней мере, мы все еще слишком близки к драгоценной недвижимости Трифекты, чтобы они могли уронить на нас кинетические заряды, подумала она. Она яростно потерла тыльной стороной рук свое лицо, вытирая слезы, и заставив их отступить, потянулась правой рукой за остывающей банкой бобов. Майкл был прав. Они не собираются давить больше хорошей части Лэндинга, чем это нужно. И не похоже, что они не прикончат нас подчистую в ближайшие пару дней.

Последние очаги сопротивления здесь в Лэндинге могут продержаться еще неделю. Может быть даже десять дней. Вряд ли намного дольше. Она надеялась, что хотя бы некоторые региональные ячейки смогут уйти в подполье - выжить, по крайней мере, даже если все их надежды на будущее Мёбиуса были разрушены. Но все зловещие предзнаменования здесь, в столице. И даже если какая-то из рассредоточенных ячеек выжила, все центральное ядро исчезло.

Потекла еще одна слеза, и она сердито промокнула ее свободной рукой. Брайтбах сделал ее своим полевым командиром, потому что понял, насколько она лучше. Но он не ожидал, что его "полевой командир" прикажет ему покинуть город. Он яростно возражал против "побега", но она была непреклонна. В первую очередь он был тем, кто построил ФОМ. Он был единственной надеждой когда-либо восстановить его, и какой бы слабой эта надежда ни была, это все, что у них действительно было. И вот, наконец, явно против его воли, он согласился выйти за периметр, связаться с одной из ячеек вне Лэндинга, которая, по их мнению, все еще не раскрыта.

Но у него бы не получилось в любом случае, подумала она, закидывая немного все еще слишком горячих бобов в рот. Боже, жив ли он еще?

Она методично жевала, заставляя себя насыщать тело, в котором она теперь уже не сильно нуждалась. По крайней мере -

Дверь распахнулась, пролив свет в пустую комнату, и Дэнни Гибсон ворвался в нее.

"Кэйли! Кэйли!"

"Что?" - спросила она немного невнятно, а затем проглотила то, что было у нее во рту. "В чем дело?" - спросила она более четко.

"Там кто-то вызывает по комму. Кто-то спрашивает Майкла. Я думаю, тебе лучше с ним поговорить."

Он протянул руку, и она взяла наручный комм, который она оставила с тремя выжившими членами своей командной группы, в то время как она урвала немного отчаянно необходимого сна. Брайтбах оставил этот комм, когда намеревался просочиться через контрольно-пропускные пункты Жандармов/Президентской Гвардии, потому что он использовался для слишком многих коммунике Фронта Освобождения до прибытия солли. Будучи пойманным с ним, он заработал бы мгновенный дротик пульсера в висок, и Бланшар выпустила два собственных коммунике - как командир Альфа - после его захвата в слабой надежде, что она убедит Ломброзо и Юсель, что "командир Альфа" все еще находится в поле, а не в тюремной клетке футбольного стадиона.

Теперь она склонилась над крошечным дисплеем и моргнула. Молодая женщина смотрела с него. Она носила униформу, которую Бланшар не узнала, но это определенно была не соларианская.

"Миз Бланшар?" - сказала она с четким акцентом, которого Бланшар никогда раньше не слышала.

"Да," - осторожно подтвердила она, задумавшись, какой трюк придумали на этот раз Юсель и Ярдли. Она подумала, что это может быть что-то простое, как триангуляция на комм "командира Альфы", но почему-то это казалось менее тревожным, чем могло бы быть, если бы в конце концов была надежда на выживание.

"Пожалуйста, подождите минутку," - сказала молодая женщина и исчезла, замененная заставкой, которая показывала странного золотого, с крыльями летучей мыши, льва с хвостом скорпиона на пятистороннем красном поле. Это выглядело смутно знакомым, хотя ей было интересно, что это за существо. Она начала хвататься за почти неуловимое воспоминание, но прежде, чем утомленный мозг зашел слишком далеко, появилось другое лицо. Это был мужчина, значительно старше, со светлыми волосами, ледяными голубыми глазами и аккуратно подстриженной бородой.

"Миз Бланшар," - сказал он, - "Я коммодор Айварс Алексович Терехов, Королевский Флот Мантикоры. Я здесь в ответ на сообщение миз Саммерс."

* * *

Майкл Брайтбах сидел на самом нижнем ярусе, глядя на убогих, грязных узников Мемориального Футбольного Стадиона Свена Ломброзо. Некогда безупречное игровое поле уже давно было втоптанно в грязь тысячами мирных жителей, загнанных сюда, и зловоние было невероятным.

Получилась отличная тюрьма, подумал он ... до тех пор, пока никого не заботит, что случилось с заключенными. Интервенционные батальоны Жандармерии и то, что осталось от Президентской Гвардии это не беспокоило. То, что не была доказана вина в поддержке ФОМ ни одного из толпы мужчин, женщин и детей на стадионе, ничего не значило. Начать с того, что любой, кто был признан виновным - или даже выглядел виновным - никогда бы не добрался

до стадиона. Было много импровизированных расстрельных команд и масса эшафотов, чтобы иметь дело с такими людьми. В конце концов, они бы разобрались со своими заключенными, и если бы они потеряли несколько - или несколько сотен - из-за отсутствия санитарных условий, болезней, в первую очередь облучения, это означало бы, что у них будет меньше сортировки.

Он повернул голову, глядя на высокие места по периметру стадиона. Галерка, подумал он. Так их всегда называли, но на данный момент они были лучшими в помещении. Именно там стояли соларианские жандармы с импульсными винтовками и трехствольниками, глядя презрительно вниз на горемычных мёбианцев внизу. Нелепо легко было охранять такую тюрьму. Просто запечатайте все входы и выходы на уровне земли, а затем окружите ее постами охраны и тяжелым оружием, расположенными по всему периметру.

Он снова отвел взгляд. Честно говоря, он был поражен, что он добрался до стадиона, но у него не было иллюзий о том, что в конечном итоге произойдет. Фактически, он подумывал о том, чтобы идентифицировать себя, когда его схватили, или, по крайней мере, претендовать на членство в ФОМ, как способ убедиться, что то, что он знал о любых выживших ячейках ФОМ, умерло вместе с ним. Но если бы он это сделал, это могло бы заставить их задуматься, почему он сделал что-то настолько самоубийственное и привело бы к тому самому допросу, которого ему нужно было прежде всего избежать. Он уже придумал три разных способа убить себя, когда они, наконец, доберутся до опустошения стадиона и обработки его заключенных. Хотя пока он был полон извращенной решимости остаться в живых как можно дольше. Это, вероятно, ничего не значило, в конце концов, но это был единственный вызов, который у него остался, и -

Ударная волна разрушила огромные экраны в обоих концах основного футбольного поля. Люди, которые переходили с одного уровня сидений на другой, были сбиты с ног, и зубы Брайтбаха клацнули. Он резко вскочил на ноги, развернувшись к невероятному грохоту взрыва, и его глаза расширились когда огромный гриб огня и дыма поднялся над Лэндингом.

Он уставился на него, пытаясь понять. Трудно было быть уверенным с нижнего уровня, особенно когда стены стадиона блокировали его взгляд, но это выглядело слишком близким, чтобы быть ударом кинетического оружия по любым позициям, которые Кейли все еще могла удерживать. Но это было безумием! Зачем во имя Господа Юсель ударила бы по цели в центре Лэндинга? Кристианос Фролов был бы в ярости и -

Что-то застрекотало над головой, и он обернулся, глядя, как по крайней мере, два десятка штурмовых кинжалокрылых шаттлов упало с небес Лэндинга. Золотая мантикора на красном поле украшала их вертикальные стабилизаторы, и восемь из них устремились прямо к стадиону. Брайтбах встал на колени, прикрыв голову руками, и каскад огненных шаров, рожденных из высокоточных управляемых ракет и установленной на носу импульсной пушки, опустился на жандармов, составлявших расчеты огневых точек, как огненный ботинок. Крики шока и ужаса вырвались из пленных, но Брайтбах опустил руки, еще раз подняв глаза, его разум загорелся домыслами, удивлением и дикой, отчаянной надеждой, поскольку еще больше шаттлов устремились к стадиону, и десятки мужчин и женщин в боевой броне выгрузились с них на поясах-антигравах.

* * *

"Я подумал, что банкет прошел хорошо, сэр," - сказал адмирал Калбертсон, подойдя к столу с чашкой кофе в руке и выдвинув стул.

"Я тоже так подумал," - согласился Лестер Турвиль и поманил стюарда, чтобы он их обслужил.

Блюда для завтрака появились с точностью метронома и древесный кот Прячущийся в Ветвях, спутник Турвиля, засветился счастьем со своего детского стульчика, когда перед ним появилась тарелка с тушеным кроликом.

"Меня особенно порадовал разговор с миз Тереховой," - сказал хевенит. "Я знаю, что есть еще несколько болезненных точек, Крейг, но в целом, я думаю, что большинство наших людей справляются с этим хорошо."

"Боюсь, что в целом ваши лучше, чем мои," - признал Калбертсон.

"Я ожидал несколько жестких шипов." Турвиль пожал плечами. "И давайте будем честными — у моих людей было больше времени, чтобы привыкнуть ко всему этому противоестественному понятию, что "мясники-хевы" и "подонки-манти", находятся на одной стороне." Его усы задрожали, когда он улыбнулся. "Поверьте мне, с Томом Тейсманом, пинающим наши задницы, и с герцогиней Харрингтон, надирающей задницы вашим людям, идея сосуществования прижилась очень быстро!"

"Могу себе представить." - усмехнулся Калбертсон.

"Признаться, у меня все еще есть несколько забот," - сказал Турвиль. "Не на профессиональном уровне, но больше того, что может случиться, если, скажем, некоторые из ваших морских пехотинцев столкнутся с некоторыми из моих морских пехотинцев в каком-то несчастном баре Монтаны."

"Эта мысль тоже приходила мне в голову." Пришла очередь Калбертсона пожать плечами. "Как принимающая сторона, я полагаю, что мы возьмем средства на восстановление из моего бюджета."

"Идет," - фыркнул Турвиль, потянувшись за столовым серебром. Затем его улыбка исчезла, когда он отрезал первый кусочек от своего стейка средней прожарки. "На самом деле, я думаю, что единственный человек в десятом флоте, из-за которого я больше всего нервничаю, это коммодор Терехов. Я восхищаюсь тем, что он здесь сделал, но, Боже мой. Если есть кто-то в форме Мантикоры, у кого есть причины, чтобы ненавидеть "хевов", это он. Я не знаю, знакомы ли вы с тем, что случилось с его людьми после битвы при Гиацинте, но я знаком. Вот почему я был так рад - и приятно удивлен тоже - от того, как любезна была миз Терехов после банкета вчера вечером."

"Я знаком с тем, что произошло в общем смысле," - сказал Калбертсон. "Я никогда не обсуждал это с ним. Насколько мне известно, он ни с кем это не обсуждает. Но я могу сказать вам, что сэр Айварс Терехов слишком профессионален, чтобы позволить своим личным чувствам мешать работать с вами и вашими людьми, сэр."

"Я надеюсь," - мягко сказал Турвиль. "Я действительно на это надеюсь."

* * *

"Я говорил, что вам понравится кухня," - весело улыбнулся Индиана Грэхэм.

Дэмьен Харахап, улыбнулся, оторвавшись от своих креветок Чу-Чи с грибами. Он не собирался заходить в Столовую Ложку после уничтожения Движения за Независимость Серафима, подумал он и почувствовал, как его улыбка рефлекторно угасла.

Потому что его лицо привыкло делать то, что он сказал, вместо этого улыбка превратилась в

усмешку.

"Вы были правы," - признал он. "Хотя, должен сказать, что зеленый карри "тайского дедушки" с уткой мне нравится даже больше, чем это. Имейте в виду, это очень хорошо, и я собираюсь попросить его добавить рецепт в мой файл, прежде чем я уйду."

"Вы не получите его, если останетесь здесь," - сказала ему Маккензи, её палочки для еды были заняты своим любимым тайским Пад-Таем. Он посмотрел на нее, и она пожала плечами. "Он не делится своими рецептами ни с кем, кто мог бы стать его конкурентом. Папе потребовались годы, чтобы уговорить его поделиться ими с нами."

Выражение ее лица стало мрачнее при упоминании об отце, и Харахап сочувственно кивнул.

И сочувствие, отметил он, было настоящим. Он провёл слишком много времени с этими молодыми людьми, и мысль о том, как он манипулировал ими заставляла его испытывать такое неизбежное чувство, как вина. Это было не в первый, и скорее всего не в последний раз, но сейчас это было... острее.

Наверное, этого не случилось бы, если бы у меня был Факел, подумал он. Я бы уехал отсюда неделю назад, если бы все, что я должен был сделать, это свистнуть Сон Цзинь.

Однако на этот раз такого варианта не было, так-как он оставил Факел и капитана Енг в системе Эддисон, в тридцати восьми световых годах от Серафима и поймал один из ближнемагистральных транспортов Крестора. Ему это не понравилось, и это добавило почти полторы недели к его времени в системе, но использование Факела было... противопоказано на этот раз.

В последнее время между Межзвездным партнерством Мендоса-Крестор и Группой Огинского, которая довольно долго желала Серафима, было много напряженности. Огинский уже доминировал в системах Джубили и Акрон; добавление Серафима создаст трехсистемный треугольный маршрут для закрепления этого конца магистральной линии, проходящей через тоннель Влоцлавек-Сардучи в сердце Ядра. Огинский также был известен несколько бесцеремонным подходом, который заработал ему репутацию работающего грубо даже для межзвёздной корпорации в Окраине, и по крайней мере некоторые из руководителей Мендосы и Крестора полагали, что Огинский может здесь воспользоваться неурегулированными в настоящее время обстоятельствами.

Чего именно они ожидали от Огинского, было больше, чем мог предсказать Харахап, но они пристально следили за любым движением в Серафим или из него, которое не выполнялось на корабле Крестора. В сложившихся обстоятельствах казалось, что лучше не летать в систему на "быстром личном транспорте", который уже посетил Серафим три раза ... действуя в этом случае под прикрытием его соларианского фиктивного реестра. К сожалению, никто на Мезе, казалось, не озаботился маленьким фактом, что Огински и Калокаинос были близкими союзниками ... или что Кэролайн Хенегар была зарегистрирована как судно Калокаиноса. При нормальных обстоятельствах это было бы хорошо, учитывая, что Калокаинос имел много взаимных торговых отношений. В этом случае, однако ...

Эти невероятные ублюдки могли бы все кончить много лет назад, заворчал он мысленно. И тогда я бы не застрял здесь, ожидая возвращения!

Конечно, он также не успел бы добавить так много рецептов семьи Саовалюк в свои личные файлы, и это было бы трагедией. Танават и Сирада Саовалюк были реципиентами пролонга первого поколения в свои восемьдесят, хотя Сирада жестко предупредила всех в поле зрения,

что лучше не называть ее "тайской бабушкой!" - и они провели семьдесят с лишним лет, оттачивая свои кулинарные навыки, что объясняло, почему оба они были одними из лучших поваров, с которыми когда-либо сталкивался Харахап. Они были также любезными, приветливыми, добрыми и всегда дружелюбными ... и пять лет назад они потеряли своего старшего сына Наттафонга, когда он был пойман в перекрестный огонь во время набега легавых на «черных торговцев и спекулянтов». На самом деле, они просто были группой, которая пыталась создать кооператив за пределами дружеских кругов администрации МакКриди, и Наттафонг искал менее дорогие ингредиенты для бок-чой.

Его вдова, Нинг, и его две дочери - Анонг, старшей, было всего лишь двенадцать лет - работали в семейном ресторане, вместе с сыном Танавата и Сирады, Танакитом, оставшимся в живых, их дочерьми Кандокван и Випадой, и их приемной дочерью Алектой Йерман, известной как "Наак" из-за ее светлых волос. Муж Алекты, Джош Рикардо, был уличным торговцем, как Индиана, и Харахапу не потребовалось много времени, чтобы понять, насколько ценна Суповая Ложка для организации Инди и Маккензи. Он заинтересовался, сколько членов семьи и служащих являются активными членами Движения за Независимость? Он поставил бы на то, что их довольно много, хотя, вероятно, это не Випада. Ей было всего семнадцать, и она кипела бурной страстью молодости и яростью из-за смерти старшего брата, которого она боготворила. У нее была хорошая мотивация, но после разговора Инди и Маккензи с ней, он очень сомневался, что Грэхэмы приняли бы кого-то такого молодого и такого... нетерпеливого.

Не то, чтобы это имело значение в конце концов. Когда молот, наконец, упадет, власти вряд ли станут проводить какое-то тонкое различие между теми, кто был и кто не был активным членом оппозиции.

Прекрати, сказал он себе резко, выбирая еще одну креветку своими палочками для еды. Это часть работы, и ты знал, что так будет. Ты сам виноват, что позволил себе сблизиться с этими людьми, начал их любить. О чем ты думал, "Зачинщик"?

"Это в самом деле очень вкусно," - сказал он, наблюдая, как Алекта подливает ему горячего чая.

"Само собой," - дерзко сказала она. "Мы не допускаем ничего другого."

Он усмехнулся и взял чашку, чтобы отпить. Но чашка замерла на полпути между столом и губами, и его голова дернулась, когда дверь ресторана распахнулась и Танакит Саовалук ворвался в нее.

"Танакит!" - его жена Мали, которая работала в Суповой Ложке разносчицей, посмотрела на него с тревогой. "В чем дело?!"

Танакит не ответил. Вместо этого он схватил пульт и переключил единственный, древний дисплей ресторана с обычного спортивного канала на Новости Образовательного Канала. Управляемый министром образования Андерсоном Блаем, НОК был официальным пропагандистским органом правительства системы Серафим. К сожалению, это был также единственный законный выпуск новостей, поэтому люди имели обыкновение слушать его, хотя бы для того, чтобы знать, чего на самом деле не происходит.

Появилось лицо ведущей НОК, и Харахап почувствовал, как что-то стягивает его внутренности в узел. Женщина была так же безупречно ухожена, как и прежде, но что-то в ее выражении лица, языке ее тела кричало о панике и замешательстве.

"Повторяем наш экстренный выпуск новостей," - сказала она. "Вице-президент Таннер только

что официально объявил о потере Серафим Один, видимо, со всеми на борту."

Маккензи Грэхэм резко вдохнула, ее лицо внезапно побледнело; Инди выругался себе под нос; и Харахап почувствовал, как ледяная жидкость потекла по его венам.

"Корабль приближался к планетарной орбите Серафим по возвращении из деловой поездке в дальний космос, когда он внезапно взорвался," - продолжила ведущая новостей. "Пресс-секретарь Мендосы Кордовы подтвердил - я повторяю, подтвердил, - что миз Хелена Хашимото, системный менеджер Мендоса Кордовы в системе Серафим, также была на борту в качестве гостя президента МакКриди. По меньшей мере три других члена кабинета Президента сопровождали ее во время осмотра новой грузовой платформы на первичной перевалочной станции Мендосы. На данный момент у нас нет подтверждения, но есть сообщения, что Оливер Шонберг, системный менеджер Крестор Интерстеллар, возможно, также был на борту."

Женщина сглотнула и посмотрела прямо в камеру.

"Генерал Шелтон, выступая от имени Министерства обороны, объявил о полном моратории на все системные и межзвездные перевозки в системе Серафим и через нее, начиная с текущего момента и до дальнейшего уведомления."

Ведущая новостей исчезла, и ее заменил седовласый коренастый мужчина в военной форме Армии Системы Серафим, стоящий за трибуной, на которой была печать Министерства обороны. Бегущая строка под его изображением идентифицировала его - для того идиота, который еще этого не понял этого, - как генерала Говарда Шелтона, начальника штаба Армии Системы Серафим.

"Хочу подчеркнуть для всех граждан Серафим, что ситуация находится под контролем", - сказал он. "К сожалению, министр обороны Гофорт находился на борту президентского корабля. В его отсутствие полномочия по урегулированию нынешнего кризиса перешли ко мне. И хотя это была ужасная трагедия, уверяю вас, мы полностью готовы поддерживать порядок, пока продолжается расследование."

"Расследование, генерал?" - сказал голос из-за камеры, и Шелтон серьезно кивнул, как будто вопрос был спонтанным и неожиданным.

"Техники Астроконтроля возможно - я подчеркиваю, возможно - обнаружили след ракеты за секунды до того, как Серафим Один был уничтожен. В настоящее время эти записи очень тщательно анализируются Астроконтролем, экспертами армии и Министерством безопасности. До тех пор, пока этот анализ не будет завершен, ни один корабль не войдет, не уйдет или не изменит позицию в нашей звездной системе. Его челюсть решительно сжалась. "Если, по сути, это было убийство, а не просто трагическая случайность, то уверяю вас, что мы определим личность виновного и что наказание будет быстрым, верным и суровым."

"О, Боже мой," - прошептала Маккензи. Харахап посмотрел на нее, его собственный мозг все еще пытался переварить информацию, а она покачала головой. "Боже мой, Боже мой!"

Ее реакция озадачила его, так как он не считал бы ее среди больших поклонников недавно умерших, но когда он посмотрел на Индиану, выражение лица ее брата было даже более раздражительным, чем ее собственное.

"Что?" - спросил он, и Индиана встряхнулся.

"Если МакКриди действительно нет, это будет очень уродливо и очень быстро," - резко сказал

молодой человек. "МакКриди выбрал Таннера, потому что у Таннера костяк из лапши Тайского дедушки и мозг пекинеса. Он ближе всего к ничтожеству, из тех, кого ты когда-либо встретишь. И Шелтон, и О'Салливан ненавидят друг друга. Блай был человеком МакКриди, но если он не был на Серафиме, он будет поддерживать Шелтона или О'Салливана. И если Патрисия Мэнселл - она министр экономики - все еще жива, она будет третьим полюсом власти, потому что она задействована во всех экономических интересах. Если Хашимото и Шонберг оба умерли, она в чертовски выгодном положении, чтобы укрепить контроль над всей экономической инфраструктурой.

Это мощная база, по крайней мере, такая же большая, как Армия или Безопасность, и никто из троих из них не собирается соглашаться на то, чтобы любой из двух других оказался в президентском Дворце. Тот факт, что Шелтон делает объявление, может означать, что Блай уже решил, в какую сторону прыгать, но это также может означать, что реальная причина, по которой ведущая выглядела так нервно, это армейские со стволами, стоящие вокруг съемочной площадки. И О'Салливан, вероятно, сгрыз все ногти, потому что Шелтон первым вышел с объявлением и сделал себя лицом "сил порядка" здесь, в Серафиме."

Он покачал головой, затем поморщился, глядя на Харахапа.

"Извини, что говорю это тебе, Зачинщик, но выглядит так, будто ты застрял среди миленькой, грязненькой маленькой гражданской войны, но в конце концов, это одно из непредвиденных обстоятельств, которые мы планировали. Конечно, мы никогда не задумывали этого, но если бы это случилось, мы хотели быть готовыми. И мы готовы... не считая того, что при запертых кораблях не похоже, что кто-то из нас сможет передать пароль вашим друзьям в Талботте."

Он тонко улыбнулся.

"Добро пожаловать в революцию," - сказал он.

Август 1922 После Расселения

"Так что, я полагаю, это сводится к довольно простому вопросу, не так ли? Готовы ли вы выполнить мои требования, или мы получим беспорядки?"

Капитан Аманда Беллок, КФМ

Старший офицер КЕВ "Мадлен Хаффман"

<http://tl.rulate.ru/book/10132/284714>